

Н.И. Кашина

ЭТНОПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ МУЗЫКАЛЬНОГО ФОЛЬКЛОРА УРАЛЬСКОГО (ЯИЦКОГО) КАЗАЧЕСТВА

В статье выявляется этнопедагогический потенциал музыкального фольклора уральских (яицких) казаков, который может быть реализован в содержании музыкального образования учащихся казачьих учебных заведений. Доказывается, что этнопедагогический потенциал музыкального фольклора уральских казаков раскрывается через его основные функции: аксиологическую, коммуникативную, мировоззренческую, воспитательную и развивающую.

Ключевые слова: казачество, этнопедагогика, музыкальный фольклор, казачьи народные песни, музыкальное образование, функции музыкального фольклора.

роцесс возрождения уникального для России субэтноса – казачества, начавшийся в 90-е годы XX века, сегодня получает поддержку на самом высоком уровне. Так, в 2008 г. Президентом РФ была утверждена концепция государственной политики РФ в отношении российского казачества, в 2009 г. был создан Совет по делам казачества, в федеральных округах были сформированы окружные комиссии, в субъектах России – рабочие группы по делам казачества. Но подлинное возрождение казачества невозможно без возрождения традиционной казачьей культуры и образования (В. Г. Визер, А. В. Григорьева, С. Н. Лукаш и др.).

Региональные власти, преодолевая кризисные процессы в духовно-нравственном воспитании подрастающего поколения, ведущие к росту детской преступности, беспризорности, наркомании, сепаратизма, национализма, снижению показателей детского здоровья, и т.д., позиционируют социально-педагогические ценности казачества в качестве идеи и стратегии региональной педагогики в борьбе с вышеназванными

ми асоциальными явлениями современности (С. Н. Лукаш) [10, 11]. Так, на Урале, в Свердловской области, функционирует ряд казачьих кадетских классов, отрядов и клубов: в городах Дегтярск, Заречный, Карпинск, Краснотурьинск, Невьянск, Нижний Тагил, Полевской, Ревда, Турьинск, пос. Белоярский, с. Городище, пос. Ильинское, пос. Рефтинский, и т.д. Расширяется численный состав ассоциации казачьих кадетских классов (клубов) Екатеринбургского отдельного казачьего общества. В сентябре 2010 г. планируется открытие казачьего кадетского корпуса в г. Карпинске.

Контингент учащихся казачьих учебных заведений – это не только дети потомственных казаков, но и дети, попавшие в трудную жизненную ситуацию, со сложным характером, дезадаптированным и девиантным поведением, испытывающие на себе противоречивое влияние различных факторов социализации. Педагогика казачества, предлагающая этим детям взамен деструктивных, высокодуховные ценности казачьей этнокультуры, направлена на воспитание «человека казачьей культуры», воплощающего в себе ментальность казачьих идеалов, который сможет впоследствии с успехом реализовать себя в профессиональной, гражданской, общественной и семейной сферах жизни (С. Н. Лукаш) [10, 11]. В этнокультуре казачества и в ее ведущем компоненте, музыкальном фольклоре, как художественно-педагогическом явлении, заложен богатый этнопедагогический потенциал для преодоления вышеназванных проблем.

Выявлению и использованию этнопедагогического потенциала традиционной культуры российского казачества посвящены исследования Ю. Н. Абакумова, Н. Г. Баженовой, В. Н. Быковского, Н. П. Башкатовой, Н. А. Бодневой, В. Г. Визера, А. Б. Гаври, Н. Н. Гомзяковой, И. А. Горбуновой, А. В. Григорьевой, С. Н. Даньшова, А. В. Коновалова, Е. В. Манузина, А. М. Сабировой и др., в которых выявляются принципы и содержание народной казачьей педагогики, развивающей у молодого поколения черты национального самосознания: единение и согласие, гармонию народного бытия; гордость за Великую Русскую землю; осознание исторического долга и преемственности поколений; чувство семьи как частицы рода, в которой сливаются мысли и чувства о народе, долге, верности, духовной крепости и чистоте человеческих помыслов (А. В. Григорьева) [3].

Музыкальная этнокультура уральского (яицкого) казачества, являясь эмоционально-образным средством воспитания в народной педагогике, обладает огромным этнопедагогическим потенциалом, состоящим в многофункциональной значимости и универсальности. Она включает в себя богатую палитру песенных жанров, исполнительские традиции, широкую сеть фольклорных коллективов и представляет собой самобытное, яркое явление. В культурологических и музыковедческих исследованиях как прошлого (А. и В. Железновы, Н. Г. Мякушин), так и настоящего (Т. И. Калужникова, Е. И. Коротин, О. Е. Коротин, Н. В. Скрипниченко, С. Г. Шулежкова, Н. М. Щербанов и др.) выявляется специфика этнокультурного облика уральского (яицкого) казачества, которая заключается в этнической неоднородности и участии в его формировании тюркоязычных народов. Своеобразие традиционной материальной и

духовной культуры уральских казаков проявляется в сочетании архаических русских форм с культурными формами тюркоязычных народов. Но, не смотря на то, что в материальной культуре и бытовой лексике уральских (яицких) казаков присутствуют тюркизмы, в устном творчестве они практически отсутствуют (Т. И. Калужникова, Е. И. Коротин) [6, 12].

Музыкальный фольклор уральских (яицких) казаков – это часть общерусского фольклора. Его самобытность проявляется в тематике, отражающей своеобразные условия исторической, социально-экономической жизни уральских (яицких) казаков, сформировавшей нравственно-бытовые устои, казачье мировоззрение, мироощущение и духовную культуру (Е. И. Коротин) [6]. Представляя песенные традиции уральских (яицких) казаков в виде целостной системы, в них отмечают четкую дифференциацию мужских и женских песенных жанров. Ядром, аккумулирующим в себе ключевые признаки песенных традиций уральского казачества, являются именно мужские жанры. В них выделяются два стилевых полюса: протяжная и «моторная» строевая песня. По мнению современного исследователя музыкально-песенных традиций уральского казачества – этнографа-музыковеда Т. И. Калужниковой, в рамках данных стилевых полюсов «формируются ритмические, ладогармонические, тембровые, фактурные модели, воспринимаемые другими жанрами традиции и играющие в ней роль интегрирующих факторов» [12]. Уникальнейшим и самобытнейшим элементом жанрового ядра в музыкальном фольклоре уральских (яицких) казаков является протяжная песня, не имеющая аналогов в фольклоре других локальных традиций российского казачества.

Казачий музыкально-песенный фольклор отражает жизнь казака в его разнообразных проявлениях – отношении к воинской службе, к Отечеству, царю, начальству, друг к другу, семье, является «зеркалом духовного, нравственного и культурного состояния казачьего сословия» [8, С. 207]. Это своеобразная кладовая народной мудрости, общечеловеческих этических норм, ярких поэтических образов и сюжетов национальной истории (В. А. Кузнецов). Поэтому он всегда самобытен, современен и сохраняет воспитательную функцию и сегодня (Г. И. Батурина, Т. Ф. Кузина).

Сегодня мы сталкиваемся с проблемой обилия на современной эстраде и в Интернете псевдофольклорных казачьих коллективов, в результате чего возникает примитивное, нехудожественное толкование исконных казачьих традиций, происходит отторжение народного казачьего творчества подрастающими поколениями, которые считают его пережитком прошлого (О. М. Кузьмина) [9]. В учебных заведениях с казачьим компонентом изучение музыкального казачьего фольклора носит иллюстративно-эпизодический, а не планомерный и целенаправленный характер. Отсутствует методическая литература по интеграции и адаптации музыкально-песенных традиций казачества в содержание общего музыкального образования и воспитания учащихся казачьих учебных заведений. Данная статья и призвана раскрыть содержание этнопедагогического потенциала музыкального фольклора уральского (яицкого) казачества, который учитель может использовать в учебно-воспитательном процессе.